

Ши Лэй положил картину на длинный стол и сознательно отошел в сторону.

Вэй Синьюэ даже не смогла протолкнуться вперед, чтобы увидеть картину, потому что вокруг уже собралось много людей.

Фактически, основываясь на реакции Чэнь Яню, все пришли к базовому выводу, что даже если картина, которую видел Ши Лэй, не была близка к стилю Чжан Сэнью, в ней действительно было что-то уникальное.

Именно это и говорил Старый Бай. По крайней мере, это могло бы дать им другое направление для исследования работ Чжан Сэнью. Следовательно, прежде чем они собрались вокруг картины или даже увидели ее, они уже признали это.

Но когда они увидели ее, они были ошеломлены.

Мысль появилось в голове у всех. В этой мысли было только одно слово: «лжец!»

Вместо того, чтобы думать, что Ши Лэй солгал им, взяв случайную картину Будды и утверждая, что она была написана в стиле Чжан Сэнью, это было больше для утверждения, что он ничего не знал об искусстве. Но увидев его картину, они поняли, что это полная ложь.

Не имело значения, была ли эта картина близка к стилю Чжан Сэнью или нет. Даже если это не так, она было достаточно хороша, чтобы сделать безымянного художника известным.

Техника была слишком отработана, чего невозможно было добиться без нескольких десятилетий работы. В частности, Ши Лэй закончил ее в течение получаса. Тем не менее, никто не сомневался в том, что ее сделал Ши Лэй, поскольку чернила все еще были влажными.

Уникальная особенность пропорционального тела Чжан Сэнью проявилась в общей структуре картины. Стиль был очень похож на истинно китайский, что давало толпе ощущение, будто они отправились назад во времена процветающей эпохи Южной династии. Было много храмов, и каждый был по канону Высок. Это была просто картина, но в ней было волшебство, что перетягивало их на многие годы назад, в храмы древнего Тяньчжу. Божественность наполнила их сердца.

В шумной гостиной стало тихо. Все были погружены в картину, кроме Ши Лэя, который стоял в стороне, ничего не делая, как будто он вообще не был вовлечен в эту тему.

Уже прошел час. Раньше на разговор было потрачено больше, чем десять минут, и когда он пошёл в комнату у него оставалось всего около сорока минут. В итоге у него осталось около трех минут.

Но этого было более чем достаточно!

Уже по мертвой тишине в комнате Ши Лэй понимал, что эта картина, которая была написана руками самого Чжан Сэнью, покорила всех.

Старый Бай застыл в шоке. Когда он увидел так называемую копию картины из династии Сун, он одним взглядом узнал стиль и технику Чжан Сэнью, но это было далеко от шока, который принесла картина Ши Лэя.

Непередаваемое чувство наполнило его сердце, и он был глубоко тронут ей от одного лишь взгляда.

Если бы не было уверенности, что это нарисовал Ши Лэй, если бы не мокрые чернила, Старый Бай почти поверил бы, что картина была настоящим произведением Чжан Сэнью.

Это была настоящая форма живописи. В ней сочетаются как изображение почерка, так и новая техника живописи Тяньчжу. Хотя предыдущая картина была похожа физически, она сильно отличалась духовно. Точно так же, как сказал Ши Лэй, это была копия, намеренно имитирующая технику, использованную в «Пяти звездах Лунных Особняков», и каждый мазок напоминал ее. Но эта картина не только потрясла их, она сразу же заставила их почувствовать шедевр, который действительно достиг совершенства как в своей физической, так и в духовной форме.

Выражение лица старого Бая постоянно менялось, а глаза наполнились слезами.

Выражение лица человека по имени Сюй резко изменилось.

— Техника не плохая, и в ней действительно проявляется часть стиля Чжан Сэнью, но я боюсь, что это не достаточно убедительно, чтобы заставить нас поверить, что это настоящая картина Будды, - сказал он, не желая сдаваться.

Никто не ответил ему. Вэй Синьюэ наконец протолкнулась вперед, чтобы посмотреть на картину Будды, которую Ши Лэй только что закончил.

Она не погрузилась в картину, как все, но быстро посмотрела на Ши Лэя.

— Ты говорил, что ничего не смыслишь в искусстве? — сердито спросила она тихим голосом.

Ши Лэй равнодушно махнул рукой.

— Я действительно ничему не учился. Я могу только нарисовать ее. Я провел столько лет, копируя ее всякий раз, когда мне было скучно. Возможно, некоторые детали идеальны, но если вы рисуете одно и то же снова и снова в течение нескольких лет, вы также можете достичь этого уровня.

— Думаешь, я тебе верю? — Вэй Синьюэ холодно рассмеялась.

Ши Лэй пожал плечами.

— Как хочешь. Айо, я так устал от рисования. Подойди и помассируй мне плечи.

Вэй Синьюэ бросила на него свирепый взгляд.

— Ты сумасшедший?

Ши Лэй был бесстыдным и надул щеки.

— Неважно. Но ты ... я чувствую, что ты должна мне объяснение. Ты привела меня на это собрание. О чем ты думала? И не нужно оправданий. Ты знаешь, что я не идиот, даже если я не такой умный.

Вэй Синьюэ чувствовал себя виноватой и молчала. Она закусила губу и взглянула на него.

— Старый Бай... — Человек по фамилии Сюй все еще не хотел сдаваться и тихо крикнул Старому Баю, когда никто не ответил ему.

Старый Бай поднял голову от голоса. Его глаза слезились.

Старый Бай покачал головой и вздохнул.

— Теперь все видели обе картины. Если это копия картины, то она действительно демонстрирует сущность Чжан Сэнью. Та, которую я видел раньше, просто является его копией. Какая из них лучше, очевидно. Мистер Сюй, я думаю, вы должны извиниться перед нашим молодым другом Ши Лэем. Я также должен извиняюсь перед ним, как и все остальные в комнате.

После того, как он закончил свои слова, Старый Бай не посмотрел на мужчину еще раз, вместо этого направился к Ши Лэю, кланяясь как можно ниже при поддержке своей трости.

— Юный друг, пожалуйста, прости мою невежливость. По сравнению с вашей картиной, у меня есть не что иное, как копия, которая была лишь жалкой срисовкой. Картина, которую вы видели в детстве, - настоящая картина Чжан Сэнью. Мне жаль. Пожалуйста, прими мои извинения!

Все были шокированы, когда он заговорил. Ши Лэй быстро поддержал Старого Бай, смутившись.

— Я был слишком высокомерен. Честно говоря, это действительно зависит от того, ближе ли моя картина к оригиналу. Я просто подумал, что эта картина не была такой удивительной ...

Это были те же самые три слова, что он произнес и час назад, но теперь они звучали совершенно иначе.

В то время все думали, что Ши Лэй был молод и наивен. Теперь они признали его слова, хотя не все были полностью убеждены.

Конечно, картина Старого Бая все еще имела свою культурную ценность, но она была не такой уникальной, как они думали.

Все люди, присутствующие в комнате, были известными профессионалами. Так как они действительно были неправы прежде, и Старый Бай первым извинился, многие люди сложили руки и повернулись к Ши Лэю.

— Ши Лэй, мы были слишком резкими с нашими суждениями. Приносим свои извинения за это.

В одно мгновение комната наполнилась извинениями. Ши Лэй успешно выпендрился, но теперь чувствовал себя неловко.

Только человек по фамилии Сюй был крайне смущен. Он не мог открыть рот, чтобы извиниться перед Ши Лэем, но, поскольку Старый Бай и другие уже сделали это, он тоже не мог этого не сделать.

Он хотел сделать вид, что его тут нет, чтобы избежать извинений, но Вэй Синьюэ подняла бровь и сказала.

— Дядя Сюй, что ты думаешь?

«Что я думаю? Я не Юань Фан*. Откуда мне знать, что я думаю !?»

Примечание к главе

Юань Фан: персонаж из известной исторической китайской драмы. Строка «Юань Фан, что вы думаете?», И за ней следует ответ «Сэр, я думаю, что в этом есть что-то странное». Теперь это мем.